

держит в себе сжатую характеристику отношений Катенина к классицизму и романтизму, несколько ярких эпизодов из творческой биографии поэта, сочувственное упоминание лучших его произведений. Любопытно, что среди лучших вещей Пушкин называет «Старую бль», полемически направленную против него: «столько простодушия и истинной поэзии». Напомним к тому же, что в «Сочинениях» Катенин впервые опубликовал свое двусмысленное послание «А. С. Пушкину», в свое время возмущившее адресата. О своеобразной полемике между Пушкиным и Катениным, одним из моментов которой было это послание, пишет Ю. Н. Тынянов¹.

Пушкин, серьезно задетый Катениным, не проявил никакого личного раздражения, когда писал рецензию. Он выступил как доброжелательный и объективный критик.

Все это создает своеобразную атмосферу вокруг «Сочинений и переводов». Их оригинально предваряет не совсем обычный рукописный сборник 1824 года. Далее—книга опоздала с выходом в свет. Загадочными кажутся планы ее издания и переиздания. Многозначительно заботливое участие Пушкина, его внимание к «Сочинениям и переводам». В этой книге собраны поэтические опыты Катенина 10-х—20-х годов; с ее изданием как бы начинается новый Катенин, осваивающий новую эпоху, новую художественную систему, создавший в середине 30-х годов лучшее свое произведение—«Инвалида Горева».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВЕНГЕРСКОГО РОМАНА О ДЕКАБРИСТАХ

Ж. Зельдхейч

Мор Йокаи, самый популярный венгерский романист XIX века, создал целый ряд произведений, события которых развертываются в разных концах света: «действие моих повестей происходит на морях и на островах, в Северной и Южной Америке, в Египте, древнем и новом, в Риме, в Париже, в Лондоне, в Санкт-Петербурге (тут я останавливаюсь особенно охотно), в Польше, затем в русских степях, в Сибири, на Камчатке»,—пишет он в своей автобиографии.

В романе «Свобода под снегом» (1878—1879) Йокаи рассказывает о «демократических союзах русской нации», то есть о декабристах, и о «воодушевленных представителях русской литературы—о Рылееве и Пушкине. В романе своеобразно переплетаются исторические события и вымышленные ситуации, изображаются подготовка декабристов к восстанию, са-

¹ Ю. Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 174—175.

мо восстание и расправа правительства с декабристами. На этом историческом фоне разворачивается абсолютно лишенная исторической верности сложная романтическая интрига: история любви Софии Нарышкиной, дочери Александра I, и Пушкина, затем, после смерти Софии, брак Пушкина с молодой грузинской княжной Бетшабой.

Йокаи с большой любовью изображает Пушкина, в котором он чтит гениального поэта и замечательного человека. С такой же симпатией изображаются и многие декабристы, о которых до появления романа Йокаи венгерские читатели почти ничего не знали: Йокаи с сочувствием рисует портрет поэта Рылеева, он пишет с уважением о подвиге и жертвенности декабристов и их жен. Несомненно, что в атмосфера антирусской пропаганды 70-х годов это имело особое значение¹.

При воспроизведении исторических событий и лиц писатель опирался не только на свою фантазию, но главным образом на те сведения, которые получал из книг своей большой библиотеки. Так, например, при описании петербургского наводнения 1824 года он довольно точно воспроизводит материал, почерпнутый у Шницлера и Лакруа², и лишь изредка добавляет некоторые эпизоды, связанные с будапештским наводнением 1838 года. Другой пример: в начале романа Йокаи приводит фантастический рассказ о том, как олень, преследуемый охотником, бежит из Царского Села в Петербург к Гостинному двору. Правильный, почти полностью соответствующий плану столицы, «маршрут» оленя по улицам, мостам, рынкам свидетельствует о том, что писатель до написания этой сцены тщательно изучил карту Петербурга.

Другим примером довольно четкого использования Йокаи фактических данных, извлекаемых им из источников, является характеристика движения декабристов. О «Русской правде», например, он пишет на основе книги Крузенштолпе, и хотя он касается только идей Пестеля о будущей внешней политике России, в этом отношении он довольно точно учитывает этот важный документ Южного общества. О петербургских совещаниях декабристов, о переговорах Пестеля с членами Северного общества, о самой структуре первых русских тайных организаций он повествует, пользуясь в основном теми сведениями, которые получил из книг Лакруа и Шницлера, добавляя к действительным участникам совещаний и таких лиц, как Пушкин и Кржижановский, которых в ту пору не было в Петербурге, а также вымышленных героев (Зенеиду, Гедымина). Для характеристики цесаревича Константина Йокаи берет почти без изменения целые абзацы из книги Шницлера-

¹ Об авторской концепции романа см: «Прометей», 7, 1969, стр. 449.

² Об источниках романа см. там же.

Описывая жизнь Софии Нарышкиной, он пользуется сведениями, взятыми из того же источника.

Йокаи очень охотно заимствует из разных книг анекдотические случаи. В этом отношении оказались особенно богатыми источниками книги Дюпре де Сен-Мора и Ллойда. Но с анекдотическим материалом писатель обращается более свободно, чем с историческими данными: он переносит время действия из одной эпохи в другую, меняет развязку, соединяет разные анекдоты, связывает их со своими персонажами. Ллойд, например, рассказывает анекдот о русском аристократе, который заложил свой орден, а потом, вынужденный явиться на прием во дворец, при помощи придворного лакея, надел орден самого царя. Александр I сразу узнал свой орден, но не рассердился, а посмеялся и подарил его «находчивому» сановнику. У Йокаи же этот анекдот связывается с сыном Аракчеева, но имеет другую концовку: царь за дурную шутку ссылает молодого Аракчеева в Сибирь, за что Аракчеев-отец мстит тем, кто обратил внимание царя на орден. Таким образом, заимствованный у Ллойда анекдот вплетается в сюжетную линию романа.

Интересно соотношение вымышленных и действительных событий при изображении таких лиц, как князь Гедьмин и Пушкин. В примечаниях к роману Йокаи утверждает, что князь Гедьмин—вымышленное лицо, не имеющее ничего общего с «историческим Трубецким». Действительно, с Гедьмином в романе связывается целый ряд событий, очень далеких от фактов биографии декабриста Трубецкого. Так, например, Гедьмин женат на матери Софии Нарышкиной, влюблен в Зенеиду Ильмеринен и т. д., тем не менее Йокаи наделяет его и такими чертами Трубецкого, о которых он читал в книгах о Николае I и восстании 14 декабря. Шницлер, Крузенштолпе, Лакруа пишут о Трубецком, как о человеке нерешительном, неспособном руководить революционным движением. Йокаи в одной из своих записных книжек, в первых набросках романа, выделяет именно эту черту Гедьмина¹. Гедьмин, подобно Трубецкому, не появляется во время восстания на Сенатской площади, как и у Трубецкого, у него дети, которых он воспитывает в Сибири². Интересно, что сама фамилия «Гедьмин» связана с утверждением Крузенштолпе, что Трубецкие—потомки литовского великого князя Гедьмина, Йокаи выписывает при конспектировании книги Крузенштолпе фамилию «Гедьмин»³ и в дальнейшем дает ее своему герою. Интересно также про-

¹ Архив Государственной библиотеки им. Сечени, Oct. Hung, 699, записная книжка № IX, стр. 2.

² Об этом пишет в своей неопубликованной дипломной работе Анна Вальдапфель «Пушкин и декабристы в романе Йокаи», 1957).

³ Записная книжка № XIII, стр. 60.

исхождение имени любимой героини Йокаи—Зенеиды. В записных книжках Йокаи это имя фигурирует впервые при конспектировании книги Дюпре. В книжке Йокаи рядом с именем «Zeneida» стоит номер 131¹—это указание на соответствующую страницу 1-го тома книги Дюпре, где говорится о Зинаиде Волконской. Таким образом, финляндская певица, ставшая в конце романа женой князя Гедымина и последовавшая за своим мужем в Сибирь, носит имя сестры декабриста Волконского.

Характеризуя Пушкина, Йокаи отчасти опирался на материалы о нем в предисловии Боденштедта к его переводу произведений великого русского поэта на немецкий язык². Из этого предисловия заимствованы были для романа не только внешние черты Пушкина, но и основные данные об условиях его литературной работы. Так, например, упоминание Боденштедта о том, что Пушкин очень бурно реагировал на придирки своих цензоров и на их глупые поправки, вносимые в его произведения, Йокаи использовал для создания сатирического образа тупого и самонадеянного цензора, заменявшего лучшие части поэм Пушкина своими примитивными «виришами». При этом Йокаи перенес в свой роман многое из того, что он читал в книге Дюпре о состоянии русской цензуры в пору царствования Александра I.

На основании некоторых мемуарных свидетельств о Пушкине Йокаи рассказал в своем романе о страстном желании Пушкина войти в тайное общество, в которое он не был принят декабристами только потому, что они хорошо знали пылкость его характера и не желали подвергать опасности своего любимого поэта. Одна из героинь романа, участница заговора, Зенеида, «не хотела, чтобы Пушкин шел по этому опасному пути... Она уже давно узнала в беспокойном молодом человеке того тения, который принадлежит не одной России, а всему миру. Зачем разбрасываться талантами? Зачем заряжать ружья брильянтами, если для этого достаточно и олова?»³. Описывая известную встречу Николая I с Пушкиным через несколько месяцев после подавления восстания, Йокаи передает ее очень близко к мемуарным источникам: «Если бы ты находился в Петербурге, ты на чьей стороне стоял бы?»—спросил царь. Пушкин почувствовал на своей шее холодное лезвие меча. Можно ли ответить неправдой на такой вопрос? Согласно этике всего мира—можно и даже должно. Заговорщик не обязан доносить на самого себя. Он не обязан признаваться в том, в чем не могут уличить, не обязан рассказывать о том, что ле-

¹ Записная книжка № XIII, стр. 55.

² Friedrich Bodenstein's gesammelte Schriften. Berlin. 1866, IV, стр. XXI

³ «Свобода под снегом», т. I, Будапешт, 1965, стр. 69.

жит у него на сердце. И все же Пушкин не сказал неправды. Гордое сердце не позволило сделать то, что подсказывал разум—«Если бы я был здесь—ответил он царю—я был бы вместе со своими друзьями»¹.

Роман «Свобода под снегом» не принадлежит к числу лучших произведений Йокаи, но как живое свидетельство активного интереса одного из самых популярных венгерских писателей к передовой русской общественности и литературе, как первое в истории венгерской литературы художественное изображение Пушкина и декабристов, этот роман, несомненно, сохраняет свое значение и в наши дни.

¹ «Свобода под снегом», т. 2, стр. 262.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

А. С. ПУШКИН
Статьи и материалы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 115

ГОРЬКИЙ 1971